

излагается история славянских народов, каждому из которых посвящен отдельный очерк. Во втором разбирается идея славянской взаимности, вернее ее проявления в славянских литературах древнего периода (до XVIII в.). Третий том, появившийся в 1893 г., через два года после смерти автора, разрабатывает проблему межславянских взаимосвязей (главным образом с точки зрения исторической). Третий том представляет собой ряд очерков, частью незаконченных. К последним относится и раздел «Чехи и православные славяне»,⁴ в котором приводятся сведения, характеризующие не литературные, но дипломатические, династические и тому подобные связи Чехии и Руси.

Литературный материал находится во втором томе. Заслуга Й. Й. Первольфа состоит в том, что он, используя массу печатных и рукописных источников, ввел в научный оборот огромное количество бывших дотоле неизвестными (или малодоступными) фактов. Но, к сожалению, Й. Й. Первольф только описывал, вовсе не обобщая. Поэтому получилась всего лишь сводка материалов, пользование которыми затрудняется еще из-за методической неумелости автора — частых повторений, непродуманного распределения отдельных фактов и пр. При всем этом нельзя не заметить определенной «славянофильской» предвзятости Й. Й. Первольфа, которая, конечно, не может быть отнесена к достоинствам книги: рассматривая идею славянской взаимности, он считал ее проявлением всякое упоминание о славянах. Прав был Милош Вайнгарт, упрекавший Й. Й. Первольфа в априоризме и тенденциозности.

Особенно много для изучения чешско-русских взаимосвязей сделано А. В. Флоровским. Этому исследователю принадлежит несколько книг и множество статей, повествующих об исторических, торговых и литературных отношениях Чехии и Руси. Широко и заслуженно известна его двухтомная монография «Чехи и восточные славяне»,⁵ вышедшая в Праге на русском языке. В своем двухтомном труде А. В. Флоровский критически обработал и обобщил огромный печатный материал, накопившийся в области исследования чешско-русских связей. Эта работа, кроме ее чисто научного значения, является превосходным и необходимым справочным пособием для каждого специалиста, занимающегося межславянскими взаимоотношениями.

Для нас интересна в первую очередь третья глава второй части книги «Чехи и восточные славяне» — «Чешские струи в истории восточнославянского литературного развития XV—XVII вв.»,⁶ а также недавняя статья А. В. Флоровского «Чешские струи в истории русского литературного общения»,⁷ которая охватывает все три периода чешско-русского литературного общения (X—XII вв., XV—начало XVI в., XVII в.). В этой статье учтена вся новейшая литература вопроса. Особенно важной следует признать ту особенность работ А. В. Флоровского, что здесь факты и явления литературные освещаются на широком историческом фоне. Если при чтении прежних статей по частным проблемам чешско-русских связей составить общее представление по данному вопросу было невозможно, то у А. В. Флоровского, напротив, получалась цельная и в общем — при всей отрывочности самих связей — цельная картина. Выяснилось, что начиная

⁴ Й. Первольф. Славяне, их взаимные отношения и связи, т. III. Варшава, 1893, стр. 243—260.

⁵ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.), т. I. Прага, 1935; т. II, Прага, 1947.

⁶ Там же, т. II, стр. 3—98.

⁷ А. В. Флоровский. Чешские струи в истории русского литературного общения. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей, III. М., 1958, стр. 211—251.